

Krhoun, Mečislav

Несколько заметок об украинской литературе в чешской печати в период 1900-1910 гг.

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná.
1967, vol. 16, iss. D14, pp. [125]-136

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/107998>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

МЕЧИСЛАВ КРГОУН

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ОБ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
В ЧЕШСКОЙ ПЕЧАТИ В ПЕРИОД 1900—1910 ГГ.

1900-е—1910-е гг. — это один из периодов третьего этапа истории чешско-украинских культурных отношений по периодизации авторов статьи „Короткий огляд історії чехословацько-українських зв'язків“¹ и по периодизации принятой Шевчуком в его книге, выпущенной по случаю съезда славистов в Софии.² Этот период из прошлого чешско-украинских связей заслуживает особого внимания, а именно в области литературы.

В настоящее время общеизвестно, что с восьмидесятих лет XIX в. интерес к украинцам и их жизни постоянно увеличивается в чешском обществе, как об этом можно судить по статьям в „Славянском сборнике“ Эдуарда Елинека в самом начале восьмидесятих годов. На страницах сборника „ясно було висвітлено і захищалось існування української нації“, журнал „пробуджував емоціональні симпатії до українського народу, до його життя та звичаїв“ — говорит в своей статье Л. Дворжак.³

Наряду с этим журналом вся наша печать, как ежедневная, так и периодическая, обращает внимание на украинские дела. Просматривая годовые комплекты столичных газет и журналов, напр. Глас народа, Злата Прага, Светозор, а также провинциальных, как напр. Глядка, Писецкие листы, Глас и др., легко убедиться в том, что интерес к украинской жизни не ограничивается только учеными кругами. Широкие народные массы проявляли интерес к украинцам и их жизни, они требовали информации. Иначе трудно было бы объяснить большое количество известий и информации о различных областях жизни украинцев в чешской печати.

Этот интерес все увеличивается к концу столетия. Если Дворжак пишет, что Славянский сборник пробуждал „симпатії невиразні, платонічні, без будь-якого конкретного змісту“ к украинскому народу, то нельзя этого сказать о статьях и информации чешской печати в последующие девятые годы. Внимание печати сосредоточивается не только на украинском фольклоре и украинской литературе, но также на вопросах как политических, так и экономических, хотя культурная жизнь стоит постоянно в центре внимания. Увеличение интереса чешского общества к украинским делам находится в связи с увеличивающейся политической, экономической и культурной активностью украинцев, именно в Австро-Венгрии, хотя судьба и борьба украинцев в российской империи также не проходили незамеченными в чешской печати.

В последние годы XIX в. и в начале XX в. назревала первая русская революция, нашедшая питательную среду в украинском обществе. Революционные идеи действовали на украинцев даже и на территории Австро-Венгрии. Здесь эти идеи распространились в массах экономически и социально подавленного крестьянского населения, которое подняло огромное забастовочное движение в 1902 году. Забастовки украинского крестьянства в Галиции вызвали раскол в чешском обществе по отношению к украинскому вопросу. Будущие неослависты, сгруппированные вокруг газеты Народные листы, отвергали революционные выступления украинцев, напротив, прогрессивные чехи, объединенные вокруг газет Глас народа, Час, Самостятность, и особенно вокруг журнала Славянский обзор отнеслись с сочувствием к стремлениям украинских крестьян. Они подчеркивали необходимость забастовочного движения, указывая на экономические причины забастовок. Так напр. газета Глас народа 21/3 1902 г. писала: „Статистические данные не оставляют каких-либо сомнений в том, что малорусское крестьянское население с социальной и экономической точки зрения занимает одно из последних мест в Австрии“. Чехи, конечно, хорошо понимали, что забастовочное движение имело также политическое и национальное значение.

Чешское общество следило с большим вниманием за тщетной борьбой украинского населения в Галиции за собственный университет. По этой же причине развернулась полемика между чешской прогрессивной печатью с одной стороны (как Славянский обзор) — а с другой с теми газетами и журналами, которые ориентировались на царскую Россию (напр.

Народни листы). Газета Народни листы отрицательно отнеслась к требованиям украинцев, чтобы во Львове был основан самостоятельный украинский университет. Причиной были взгляды реакционной группы чешских „всеславян“ на украинский литературный язык. Для них царская Россия являлась главным представителем славянства и они считали культурные стремления украинцев нарушением славянского единства. По их мнению украинцы в Галиции (они их называли последовательно „русинами“) должны оставить „австрийскую государственную фонетику“ (так они называли украинский литературный язык) и пользоваться русским литературным языком.⁵ Против этих взглядов выступил Славянский обзор, который в полемических заметках разоблачал реакционную антиславянскую суть взглядов, распространяемых газетой Народни листы. Главный редактор Славянского обзора Адольф Черны написал в своих полемических комментариях, что Народни листы как будто сняли копию с тек статей немецких газет и журналов, которыми немцы боролись в свое время против основания чешского университета в Праге.⁶

Как видно, спорным вопросом было существование украинской нации. Этот вопрос был злободневным в чешском обществе; идея славянского единства оказала огромное плодотворное влияние на национальную сознательность чешского народа и борьба всех славян за национальные права чехов волновала. В случае украинцев это происходило по двум причинам: первой было отношение царского правительства к украинцам, второй трактовка украинского вопроса правительством Австро-Венгрии. Российское царское правительство запрещало украинскую национальность со всеми ее проявлениями, в том числе также с литературным языком и национальной литературой; австрийское правительство злоупотребляло национальными чувствами украинцев. Подавляющее большинство чешского общества, именно прогрессивная интеллигенция и ученые круги, считали украинцев самостоятельной нацией, не забывая, что обителее происхождения, историческая и языковая общность связывает украинцев с русским народом. Вот почему прогрессивные представители чешского общества боролись против всех, кто не признавал права украинцев на национальное самоопределение.

В 1902 г. в журнале Славянский обзор появилась рецензия книги Ивана П. Филевича „По поводу двух русских народностей“. Филевич не признавал украинской народности, он полемизировал с теориями, обосновывающими ее существование. Чешский рецензент — под инициалом „L“ — довольно нерешительно утверждает, что ему известен лишь один русский народ, но малорусское племя нельзя ставить в один ряд с белорусским, северовеликорусским и юговеликорусским племенами. По его мнению разъединяющие тенденции развились исторически глубоко; чешский рецензент приходит к ошибочным выводам: он видит различия даже в физическом облике украинцев и русских.⁷

Против этой жестокой рецензии следует противопоставить полемику Карла Йиндржиха со взглядами Тимофея Д. Флоринского. Она является более реаккой и ее идеи истолковываются точнее. Флоринский выпустил в Петербурге собрание статей, напечатанных раньше в „Киевлянин“, с названием „Малорусский язык и украинско-русский литературный сепаратизм“. К. Йиндржих дал рецензию на книгу, отрицавшую самостоятельность украинской национальности, и осудил ее. „Цель этой книги — говорил Йиндржих — воспрепятствовать всякому прогрессу и развитию украинской литературы и псевдонаучными аргументами извинить и оправдать всякого рода административный и цензурный нажим и ограничение самых скромных проявлений национальной жизни украинцев.“ Чешский автор отвергает отрицание права малорусского языка на существование и дальнейшее развитие. В заключение своей критики он высказывается о книге Флоринского очень резко: в книге Флоринского „пахнет духом нетерпимости, звучат подозрительные нашептывания и указания и попахивает иногда чем-то в роде доноса“.⁸

Самая резкая полемика велась редакторами Славянского обзора А. Черны и В. Прахом с галицким журнальным реакционно-москвофильским направлением Д. Н. Вергуном. Он был против украинского литературного языка, отрицал украинскую народность. Он начал выпускать около 1904 г. в Вене журнал „Славянский Век“. В этом журнале он упрекал Славянский обзор в поддержке украинцев и враждебных отношениях к российскому государству. Редакторы чешского журнала, пишущие об украинских делах, В. Прах и А. Черны ответили на эти нападки. Прах резко заявил, что он поддерживает украинцев, так как он „изучал славянскую филологию“ и деятельность украинцев в Галиции и Буковине ему очень нравилась. Они сделали для народа с малыми средствами и в трудной обстановке в тысячу раз больше, чем все русские министры для русских мужиков. Если бы такие работники получили свободу действия в южной России, не было бы там 15 миллионов неграмотных, но соответствующее количество удовлетворительно образованного населения.

Суть полемики Адольфа Черны была в утверждении, высказанном им уже раньше в кри-

тике книги Флоринского „Несколько слов о малорусском языке“. Черны утверждал, что малорусский язык образует с великорусским и белорусским языками одну диалектную группу, однако существование самостоятельной и не так уже молодой украинской литературы не устранить никакими декретами. Черны говорит ясно, что он против запрета украинской литературы вопреки требованиям Флоринского. „Мы против любого насилия — пишет Черны — а также против того насилия, которое в России подавляет малорусский язык, как литературный язык украинцев.“⁹

Приведенные примеры — это свидетельство увеличивающегося интереса чехов к украинским делам. Таких примеров можно привести гораздо больше. Они показывают, что связи чехов с украинцами все более крепнут и углубляются.

В период 1900—1910 гг. информации об украинской жизни являются всесторонними. Они относятся не только к литературе, хотя именно ей уделяется много внимания, но также ко всем остальным отраслям украинской культуры. В чешских журналах пишут о представителях театральной и музыкальной общественности, их успехах и трудностях, о журналистике в Галиции и в Украине входящей в состав Российской империи. Говорится в частности о подъеме, наблюдавшемся в 1905 г., о науке и ученых, главным образом в области общественных наук. Хотя сношения с украинцами в России встречались с препятствиями, то все-таки в чешской печати не отсутствовали информации о жизни за рубежом. Все успехи украинцев в науке, искусстве, литературе и политической жизни отмечались и комментировались, осуждалось все, что препятствовало и вредило развитию их национальной и культурной жизни. Негодование у чехов вызывали все мероприятия, запрещающие украинский язык, украинскую литературу и другие проявления украинской национальной жизни.

Украинские литературные стремления пользуются в это время большим чем раньше интересом со стороны чешских читателей и чехи стремятся сделать все лучшие произведения украинской литературы общедоступными в чешских переводах. Орест Зилинский пишет, что чешский интерес к украинской литературе достигает наивысшей степени в период начала девяностых годов до первой мировой войны.¹⁰ Это правильное утверждение надо дополнить — 1900-ый год является в известной степени пределом. Именно в этом году вышли из печати избранные сочинения Шевченко в переводе Ружены Есеевской самостоятельной книгой. В то время на чешском языке читались уже произведения многих других украинских поэтов и писателей, напр. М. Вовчка, Ю. Федьковича, П. Кулиша, О. Стороженко, И. Франко. В начале века уделяется внимание молодому поколению писателей, именно в Галиции, меньше уже в „русской“ Украине.

Более оживленному проникновению украинской литературы в чешскую среду способствовало с конца XIX столетия улучшение организации информации. Когда прекратили выпускать Славянский сборник Елинека, исчезла возможность регулярного осведомления чешского общества об украинских делах. Но в конце девяностых годов был основан журнал Славянский обзор, целью которого было систематически знакомить чехов с делами всех славян, в том числе также украинцев. С этой точки зрения П. Гонтар дал правильную оценку этому журналу, указывая на его заслуги в деле систематической популяризации украинской литературы среди чешских читателей.¹¹

Кроме этого журнала о событиях украинской культурной жизни, а особенно о литературе сообщалось еще также в других журналах, столичных и провинциальных, художественных и научных. Об украинских делах писали в таких журналах, как Lumír, Zvon, Sas, Moravsko-slezská revue, Hlídká, Vlast.

Украинская литература сумела найти дорогу в газеты, особенно в их приложения. Разные статьи об Украине, украинцах, их культуре и в частности литературе можно читать в приложениях к газетам Hlas národa — Nedělní listy, Právo lidu — Dělnická besídka, Čech — Neděle, в газетах Venkov, Lidové noviny, в брношском еженедельнике Hlas, в журналах Zář, Rudé květy и в других, а также в сборниках художественных произведений, предназначенных для широких масс и для молодежи.

Увеличенный интерес чехов к украинским делам стал возможным благодаря развитию украинской журналистики. Литературно-научовий Вісник стал источником большинства информации и сведений об украинской литературе и культуре для чехов. Они почерпали из него сведения для чешских журналов и выбрали оттуда художественные произведения для переводов. Украинские книги встречались у нас, главным образом в Праге, но распространять их было не так просто, так как книгообмен не был на теперешнем уровне. Изобилие украинских книг получала редакция Славянского обзора. На обложке журнала указывалось ею новинки украинской литературы. Кроме Литературно-научового Вісника

читали у нас еще также и другие украинские журналы и газеты, издающиеся не только в Галиции, но также в Украине входящей в состав Российской империи, напр. Киевская Старина.

Сведения об украинских делах в чешских журналах сообщали отчасти сами чехи, отчасти украинцы, находившиеся в личных сношениях с чешскими редакторами. Среди чехов следует прежде всего вспомнить главного редактора журнала Славянский обзор Адольфа Черны, сознательно стремившегося к тому, чтобы его журнал приносил регулярно весторонние информации об украинской жизни. Периодически он лично печатал критические статьи об украинских книгах и информации о некоторых явлениях украинской культурной жизни. Ежемесячно на украинскую тематику писал В. Прах (инициалы V. P.). Он не ограничивался только обзором политических злободневных событий, но в свой обзор включал также важные культурные события, а именно касающиеся литературы.

Знакомом украинских проблем был Й. Брож, напечатавший в журнале основательную статью о национальном развитии украинского народа в XIX в. Периодически он разрабатывал и другие темы, касающиеся украинского вопроса. Другим сотрудником журнала Славянский обзор, занимающимся украинской тематикой, был позднее известный ученый-славист Йозеф Пата.

В других журналах писали другие, более или менее известные литераторы, однако всегда хорошо знающие украинскую тематику, о которой им приходилось писать. Итак на украинскую тематику в журнале Лумир писал В. Червинка, в журнале Звон писатели под инициалами „S“ и „V. Kol.“, в журнале Власть Франтишек Штингл и Ф. Г. Жундалек, в журнале Глидка Алоис Коуделка и т. д.

Украинцы по происхождению были тоже сотрудниками чешских журналов и они принимали ревностное участие в деле ознакомления чехов с жизнью украинского народа. Участие И. Франко в этом деле заслуживает особого внимания. В журнале Славянский обзор Франко напечатал статью — первую по этой теме — об украинско чешских связях в прошлом и настоящем, статью об украинской литературе и другие. Затем обзорные статьи об украинской литературе писали для этого журнала Богдан Лепкий, поэт и учитель гимназии в Кракове, и Александр Грушевский. Корреспондентами журнала были также Владимир Гнатюк и Остап Луцкий. В других журналах и газетах писали другие природные украинцы, напр. Иван Брик, Ипполит Бочковский и др.

Увеличивающийся интерес чешских читателей к украинской литературе обуславливал увеличение количества переводчиков и повышение их переводческого умения. Сравнительно небольшое внимание уделялось украинской поэзии, хотя в период, о котором мы говорим, жили и творили великие представители украинской поэзии, заслуживающей внимания, Иван Франко и Леся Украинка. Кроме Ружены Есенской, талантливой переводчицы стихотворений Шевченко, украинскую поэзию переводил только Адольф Черны, печатавшийся под псевдонимом Иржи Рубин. В это время появилось несколько хороших переводчиков украинской прозы. Большинство этих переводчиков пыталось переводить прозаические произведения Ивана Франко. Наряду с Й. В. Бурианом переводили рассказы Франко Алоис Коуделка, К. А. Писецки, Анна Кварнерова, Казимир Скалицки, Франтишек Тмей. Однако не все эти переводчики знали достаточно хорошо украинский язык, и потому не все они добились точных переводов. Но именно в это время некоторые переводчики становятся специалистами по переводу отдельных украинских авторов, стиль и язык которых они особо изучают. Такими специалистами по переводам произведений известных авторов стали В. Харват, переводивший произведения не только Франко, но главным образом Коцюбинского, Грищенко и Гнатюка, К. Гандзед, ставший переводчиком Яцкова, Тереза Турнерова, почитательница творчества Ольги Кобылянской, которое и пыталась распространить своими переводами среди чехов. К. В. Рыпачек первый перевел рассказы В. Стефанька.

Газетные и журнальные статьи, критики, рецензии, заметки способствовали ознакомлению и распространению украинских писателей и их творчества в чешском обществе. Самыми популярными представителями украинской литературы у чехов были Тарас Шевченко и Иван Франко. О том, каким образом чехи знакомы с творчеством Шевченко, написана обстоятельная и изобилующая фактами монография, исчерпывающая все данные, относящиеся к периоду 1900—1910 гг.¹² Не нужно здесь повторять эти данные, можно только заметить, что интерес чехов к Шевченко не прекратился даже в этот период. Что касается И. Франко, то он пользовался в это время большой популярностью, считался рядом с Шевченко самым выдающимся представителем украинской литературы и был близок чехам своей демократичностью. Хотя все данные об отношении чехов к И. Франко не были использованы так основательно, как это имело место с Т. Г. Шевченко, боль-

шинство этих данных известно благодаря монографии М. Неврли¹³ и сборнику „3 історії чехословацко-українських зв'язків“, посвященной в память сотой годовщины со дня рождения писателя. Взаимосвязи Франко с чехами были раскрыты также материалами, составленными М. Мольнаром и М. Мундяк.¹⁴ Здесь также кажется излишним повторять общеизвестные факты. Следует только заметить, что в деле распространения сведений о Франко и его творчестве сыграла известную роль чешская печать в Моравии. Вышеупомянутые публикации не всегда учитывают этот факт, напр. в них не уделяется достаточного внимания интересной характеристике личности и творчества И. Франко в статье Алоиса Коуделки, напечатанной в журнале Глидка.¹⁵

Выдающейся украинской поэтессой в период 1900—1910 гг. была Леся Украинка. И. Франко обращал особое внимание чехов на ее творчество в журнале Славянский обзор¹⁶ и затем в каждой обзорной статье украинской литературы, печатавшейся в этом журнале почти ежегодно, мы встречаемся с более или менее обстоятельной характеристикой новых произведений поэтессы. Особое внимание критики вызвали ее „Відгуки“. Их анализировали не только постоянные украинские корреспонденты журнала Славянский обзор Богдан Лепкий и Остап Луцкий,¹⁷ но также чех Франтишек Штингл.¹⁸ Его рецензия содержит также биографию поэтессы и общую характеристику ее творчества. Штингл подчеркивает оптимизм поэтессы. В ее творчестве нельзя найти элементов декаданса, хотя она пишет о своем угнетенном народе, его бедствиях, о его печальной судьбе. Наоборот, в ее стихах веет боевым духом. Украинцы Лепкий и Грушевский познакомили чешских читателей с драмами Леси Украинки: „В катакомбах“, где, по словам критика, слышатся отголоски революции 1905 г.,¹⁹ „Блакитна троянда“ и „Кассандра“, в которых рецензент находит психологическую силу и умелый подход поэтессы к проблеме.²⁰ Те же критики обратили внимание на стихотворения „Вавилонский полон“, „Ньюбею“ и рассказ „Розмова“. Они восторгались ее формальным совершенством.²¹ Но творчество этой выдающейся поэтессы, посетившей Чехию и побывавшей в Праге,²² не вызвало глубокого интереса чешских переводчиков. Ни одно из ее выдающихся произведений в период, о котором говорится в настоящей статье, не было переведено на чешский язык. На вопрос о причинах этого явления трудно ответить. Украинские стихи в это время — за исключением нескольких выдержек — вообще не переводились на чешский язык. Препятствием было плохое знание украинского языка среди чехов.

Гораздо больше внимания в это время уделялось чехами другой украинской писательнице, Ольге Кобылянской. О. Бабышкин в своей статье²³ указал на одностороннее толкование ее творчества в Славянском обзоре, так как о ней писали в этом журнале украинцы — сторонники символизма. Бабышкин анализировал также статью Терезы Турниреровой, поклонницы, пропагандистки и переводчицы творчества Ольги Кобылянской в Чехии. Анализ Бабышкина показал, что Турнирера проникла глубже в суть творчества украинской писательницы, чем ее земляки, ограниченные своими художественными взглядами, вытекающими из буржуазной идеологии.²⁴ Конечно, личность и творчество Кобылянской привлекали внимание не только литературных критиков Словянского обзора. Творчеством Кобылянской занимались также другие критики, а именно чехи. Статью о писательнице написал, напр., также Штингл.²⁵ Хотя в его статье встречается несколько неправильных положений, образ писательницы созданный им является рельефным. Он несколько преувеличивает немецкое влияние, хотя и Бабышкин его не отвергает совершенно, но во всяком случае нельзя принять утверждение, что Кобылянская член „немецкой модерна“. Однако наблюдение Штингла, что писательница решает в своих произведениях социальные проблемы, что она борется образами своих героинь против гнилой австрийской буржуазии, погружающейся в безнадёжном филлистерстве — это наблюдение справедливо.

Рецензию перевода трех рассказов Кобылянской напечатал журнал Звон.²⁶ Написал ее рецензент под инициалом „V. Kol.“. Рецензент писал, что он в этих рассказах не нашел ничего сильного, нового, или оригинального, они мол лишены выразительных индивидуальных черт. Вопреки этому мнению он не считал эти рассказы слабыми. Жаль, что это мнение не было объяснено подробнее.

Сжатую характеристику творчества Кобылянской дал чех А. Коуделка в двух статьях о современной украинской литературе, напечатанных в журнале Глидка и основанных на литературных статьях А. Грушевского в Литературно-научном Віснике. В первой²⁷ он нарисовал общий и довольно верный образ писательницы, в творчестве которой подчеркивал реалистическую обработку тем. Он занимается особо повестью „Земля“, показывая на реалистическую основу событий повести. Во второй статье²⁸ анализирует повесть „В недлю рано зілля копала“. Коуделка упрекает Кобылянскую в нереалистическом подходе

к теме; в повести по его мнению нет реального описания сельской жизни, центр тяжести автор перенесла в психологический мир своих героев.

Буковинские писатели пользовались особым вниманием чешского общества. Оно интересуется наряду с Ольгой Кобылянской и Юрием Федьковичем, привлекающим интерес чешских критиков²⁹ и переводчиков³⁰ также в первых годах XX стол., еще третьим выдающимся представителем украинской литературы в Буковине — Василием Стефаником. Его земляки, пишущие литературные статьи об украинской литературе в чешских журналах, не сумели приблизить Стефаника чешскому читателю. Его популярность в Чехии — это дело чешских критиков. На его сборник рассказов „Дорога“ обратил внимание чехов В. Прах в Славянском обзоре.³¹ Он не дал одинаковую ценку всем рассказам: лучшими он считал „Кленові листки“ и „Озимина“. Он подчеркивал мировоззрение писателя, хорошее знание деревенских людей и сочувствие автора к ним. Но Прах не подвергал анализу книгу, скорее он говорит о своих впечатлениях.

Почти одновременно с чешским критиком Б. Лепкий дал оценку Стефаника в обзоре украинской литературы за 1901 год,³² считал писателя лучшим украинским новеллистом мирового масштаба, но ничего существенного об авторе не сказал.

Фр. Штингл довольно правильно характеризовал Стефаника в статье об украинских писателях в Буковине.³³ Но все эти критики восхищались больше всего изящной формой новелл Стефаника. Их идейное содержание не было ими полностью отмечено. С ним ознакомил чешских читателей первый переводчик произведений В. Стефаника — К. В. Рыпачек. Он напечатал двадцать избранных рассказов Стефаника под названием Povídky (перевод вышел в 1905 г.). В эту книгу вошли рассказы из следующих сборников Стефаника: „Свня книжечка“, „Кам'яний хрест“, „Дорога“ и „Мое слово“. Переводы Рыпачека были довольно удачны и близки к оригиналу. Ему удается почти всегда выявить идейное содержание. Чешский перевод комментировал в журнале Звон³⁴ критик скрывающийся под инициалом S. По его мнению рассказы Стефаника печальны и трагичны. Он также подчеркивает новаторство формы.

А. Коуделка в упомянутой статье³⁵ считал Стефаника также „реформатором формы“. Хотя он прекрасно анализировал техническую сторону формы писателя, он хорошо понял его глубокое знание народной души и сочувствие с бедой народа. Вот почему он правильно объяснил мрачность рассказов.

Не остался незамеченным еще один из гуцульских писателей — Иван Семанюк, более известный под своим псевдонимом Марко Черемшина. Внимание чехов обратил на него Б. Лепкий в обзорной статье об украинской литературе за 1901 год.³⁶ Он замечал сходство Семанюка с Стефаником и указывал на его метод изображать жизненные факты верно и реалистически. Между прочим он восхитился чистым гуцульским диалектом Семанюка. Говоря о нем, Лепкий имел в виду его книгу „Карби“. Эту книгу прорецензировал также Ф. Штингл.³⁷ Он ознакомил чешских читателей с началом литературной деятельности Семанюка, характеризуя его как члена „украинской модерна“, пишущего в реалистической манере и использующего для этой цели собственный опыт и свои наблюдения над жизнью гуцулов. По его мнению метод писателя наиболее ярко нашел свое отражение в рассказе „Більмо“.

Коуделка подвергает анализу тот же рассказ в своей сжатой характеристике Черемшины.³⁸ По словам Коуделки гуцульщина Черемшины — это тягостные дни материальной нищеты, тяжелой ежедневной работы и духовной темноты. Жалкое состояние крестьянина и его бедственное положение демонстрируется содержанием рассказа „Більмо“.

Может быть пример И. Франко подействовал на чехов, что они с особым интересом следили за украинскими писателями в Буковине. Б. Лепкий по своей обязанности референта писал в обзоре украинской литературы за 1901 год³⁹ о выпуске из печати стихов старейшего украинского писателя Буковины, современника Ю. Федьковича, Изидора Воробкевича, печатавшегося за подписью Данило Млака. И. Франко издал сборник его стихотворений. Видимо покровительство Франко было причиной, что книгу рецензировал Фр. Штингл.⁴⁰ Его рецензия показывала, что ее автор был хорошо ознакомлен с материалом. Он ценил Воробкевича не только как поэта, но также как композитора.

Когда Воробкевич скончился в 1904 г., то сочли нужным информировать об этом событии чешское общество, даже и такой журнал, каким был Лумир. Здесь о кончине Воробкевича написал Винцент Червинка,⁴¹ но он кажется не был достаточно информирован; поэтому и произошли неприятные ошибки в его заметке: он писал о „Даниле Мраке“.

Чешская печать знакомила читателя и с другими украинскими писателями, именно с теми, кто жил и работал в Галиции, так как их произведения были доступнее, чем книги

из Украины, входящей в состав Российской империи. Особой популярностью пользовался Михаил Яцків, с творчеством которого чехи познакомились в нескольких чешских переводах еще до первой мировой войны. Ярослав В. Буриан, переведший рассказы И. Франко, перевел и напечатал в 1910 г. книгу рассказов Яцкова.⁴² Карел Гандзел перевел на чешский язык и издал самостоятельной книгой другие рассказы Яцкова в 1911 г.⁴³

Чехи получили сведения об этом писателе от украинских корреспондентов Б. Лепкого и А. Грушевского. Лепкий проанализировал труд Яцкова „Огни горят“ и отнесся к нему не совсем положительно. Он ему казался несовершенным в художественном отношении. Наоборот Грушевский⁴⁵ в рассказе „Чорні крила“ видел тонкую психологическую разработку и жизненный реализм. А. Коуделка⁴⁶ в своих наблюдениях над рассказом „Осіньня неділя в касарні“ замечал уже не реалистическое, а натуралистическое восприятие жизни.

Осип Маковей не был совершенно неизвестен чехам, читающим украинскую литературу. О его творчестве писал Лепкий,⁴⁷ подчеркивая значение его фельетонов, не дооценивая однако его исторического романа „Ярошенко“.⁴⁸ Штингл в таком же смысле как Лепкий писал критическую статью о его сатирах в сборнике „Наші знакомі“.⁴⁹ Но по мнению Коуделки⁵⁰ Маковей — это писатель изображающий борьбу старого и нового.

Денис Лукинович стал известным своим реалистическим рассказом из народной жизни „За кадильню“. Лепкий⁵¹ считал его творчество положительным явлением в том смысле, что рассказ представляет собой собрание материала для изучения крестьянского вопроса в Галиции. Штингл⁵² подчеркивал в своей рецензии глубокий психологический анализ простого честного крестьянина, оставшегося одиноким в борьбе с австрийскими чиновниками и господами. В анализе Коуделки⁵³ отсутствует социальная и классовая точка зрения. Отрицательная роль интеллигенции, которую выдвинул Штингл, осталась незамеченной.

Антон Крушельницкий оставался незаметным работникам журнала Славянский обзор. Хотя его книги и получались в Праге (напр. „Семчишини“ уже в 1901 г.), его имя появилось в журнале лишь дважды. Лепкий в 1902 г. упомянул только бегло о его рассказе „Серце“⁵⁴ и в 1909 г. И. Пата прорецензировал его литературно-критическую книгу „Літературно-критичні нариси“.⁵⁵ Больше внимания уделял ему Коуделка. Он пишет о его творчестве в своих обзорах украинской литературы. В первом⁵⁶ он освещает реалистическое начало творчества Крушельницкого, когда — по мнению автора статьи — он обсуждает действия и явления и воспринимает их с точки зрения социально-экономических доктрин. Коуделка анализирует первый труд Крушельницкого „Пролетарі“, в которых автор считает причиной всех человеческих несчастий „горькое тяжелое бедствие человека“. Во втором обзоре⁵⁷ критик только кратко коснулся рассказа „Зневіра“, отмечая различие взглядов двух поколений.

О Брет-Гарте галицийской Калифорнии — Бориславщины — Степане Ковалеве упоминает в своих статьях один только Коуделка. В первой статье⁵⁸ он сравнивает его с Франко: он — по словам критика — повествует в рассказах из бориславской обстановки об экономической жизни всего края, он говорит о бедноте сельского народа, о новых формах эксплуатации, о разрухе в сельском хозяйстве, о возникновении деревенского пролетариата и впоследствии о бориславской нищете. Ковалів не ставит себе такой цели, он показывает лишь бориславский образ жизни и делает это с превосходным знанием местной обстановки и блестящим реализмом. Во второй статье⁵⁹ Коуделка анализирует сборник рассказов Ковалева „Похресник“, показывая, как автор выдвинул противоречия бориславской жизни: бедствия бориславских рабочих и роскошную жизнь эксплуататоров.

Некоторые из писателей были менее известными у нас, хотя кое-что из их творчества и переводилось на чешский язык. Только из статей А. Коуделки узнавали чехи о писателе Тимофее Бордуляке.⁶⁰ Сопоставляя его с Ковалевым, Коуделка считает Бордуляка прямой противоположностью Ковалева. Бордуляк хорошо помнит, что жизнь украинского мужика и печальна и трудна, он не презирает эти отрицательные стороны крестьянской жизни, но он умеет показать и редкие минуты беззаботного спокойствия и светлой радости. Известно, что рассказы Бордуляка переводились на чешский язык и читались широкими кругами читателей.⁶¹

Коуделка в своих статьях познакомил чешских читателей еще со многими другими украинскими писателями. Он анализировал рассказы Натальи Кобринской,⁶² подчеркивая ее психологическое умение, деревенские рассказы Леся Мартовича,⁶³ обращал внимание на творчество Владимира Левенко,⁶⁴ Модеста Левцицкого⁶⁵ и других.

Евгения Ярошинская, хотя Лепкий считал ее повесть „Перекинчики“ неудачной (в обзоре украинской литературы за 1903 год),⁶⁶ привлекала внимание чешской журналистики.

Ее кончину дважды отмечали в Славянском обзоре: один некролог написал Прах,⁶⁷ второй напечатан Адольфом Черны.⁶⁸ Третий, повествующий подробно о жизни, творчестве и заслугах писательницы в области просвещения в Буковине, напечатан в журнале Звон.⁶⁹

На страницах чешских журналов встречаются еще другие более или менее известные украинские писатели, имена которых в настоящее время уже забыты. Таким писателем, в свое время очень популярным в чешской читательской среде, был Андрей Чайковский. Несколько его произведений были переведены на чешский язык и пользовались успехами у читателей.⁷⁰ А. Коуделка в обзорной статье об украинской литературе⁷¹ подчеркивал знание Чайковским жизни именно интеллигенции в Галиции. Коуделка перевел также произведения Чайковского. О формальных достоинствах его прозаических произведений говорится тоже в Славянском обзоре.⁷²

В журналах, главным образом в Славянском обзоре, упоминают также о литературном творчестве Богдана Лепкого. В 1902 г. Ружена Есенска перевела пять его стихотворений, написала введение о его жизни и творчестве. Все это было напечатано в журнале, сотрудником которого является Лепкий.⁷³ Там же в 1903 г. другой украинский сотрудник журнала О. Луцкий напечатал рецензию на книгу Лепкого „Осінь“.⁷⁴ К обзору украинской литературы за 1905 г., написанному Лепким,⁷⁵ в виде дополнения Луцкий прибавил характеристику следующих двух сборников стихотворений и двух книг рассказов Лепкого. Сборник стихотворений Лепкого „Поэзіє, розрадо одинока“ упомянут в обзоре украинской литературы за 1908 год, написанном А. Грушевским.⁷⁶

Богдан Лепкий, украинский поэт-символист, был в чешской среде еще до первой мировой войны известен и популярен. Его произведения находятся, напр., в библиотеке чешского знатока русской литературы А. Г. Стана;⁷⁷ также Коуделка говорит о нем в обзорной статье об украинской литературе в 1908 г.⁷⁸ Интересно, каким образом характеризует его Коуделка: „Автор избирает печальные темы и разрабатывает их таким образом словно вся жизнь имеет лишь теневые стороны“.⁷⁹

Благодаря обзорным статьям чешские читатели также узнавали имена начинающих авторов, о дебюте которых автор обзорной статьи сумел немного сказать. Так читаем о первых книгах Остапа Луцкого,⁸⁰ Карманского,⁸¹ Гната Хоткевича,⁸² рассказы которого перевел на чешский язык в двадцатых годах выдающийся переводчик украинской литературы Гулка, Любови Яновской,⁸³ Евгения Мандычевского; о его книге новелл „З живого и з мертвого“ писал Ф. Г. Жундалек,⁸⁴ справедливо сопоставляя его творчество с творчеством модернистско-декадентов Авдикевича и Лепкого. Ф. Штингл восхищался прекрасным языком буковинца Ф. Галипа.⁸⁵

Не представляло особых затруднений завязать сношения чехов с украинцами в Галиции, которая также, как и Чехия, входила в состав австро-венгерской монархии. Дело оказывалось хуже, если говорить о сношениях с украинскими представителями культуры в России. Там строгая царская цензура становилась препятствием для взаимосвязей. Конечно, австрийские учреждения не были также в восторге, что чехи имели связи с украинцами за рубежом. Но вопреки всем трудностям информации о культурной и литературной жизни украинцев в России все же доходили до чешской общественности, хотя и не в такой мере как из Галиции. О выдающихся событиях культуры и ее крупных представителях в Украине чешский читатель узнавал регулярно. Большинство сведений попадало к нему через Галицию, но существовали также прямые связи.

Из современных представителей украинской литературы в России приобрел большую популярность в Чехии Михаил Коцюбинский. Б. Лепкий обращал пристальное внимание на его творчество в обзорах украинской литературы за 1903 г.⁸⁶ и за 1905 г.⁸⁷ Он подчеркивал совершенство формы, психологическое мастерство Коцюбинского и сопоставлял его с Кобылянской и Стефанюком. Когда вышел польский перевод восьми рассказов Коцюбинского, Лепкий в рецензии⁸⁸ ограничился биографией автора и характеристикой его рассказов, он не задумался ни над их отбором, ни над качеством перевода. Только в обзоре украинской литературы за 1906 год⁸⁹ он попытался понять идейное содержание рассказов „Сміх“ и „Він іде“. А. Грушевский в обзоре украинской литературы за 1908 год⁹⁰ кратко упомянул о писателе в Славянском обзоре.

Коуделка говорит о Коцюбинском в обеих упомянутых статьях. В статье с 1908 г.⁹¹ он указал на этнографическое расширение диапазона литературной тематики у Коцюбинского. Его рассказы Коуделка назвал драгоценными камнями. В статье с 1910 г.⁹² он подчеркивает субъективизм нового сборника рассказов Коцюбинского. Как о хорошо известном лице у нас о Коцюбинском говорит Жундалек.⁹³ Интерес к Коцюбинскому вызвал появление сборника его рассказов на чешском языке в 1910 году.⁹⁴

Меньше внимания привлекали к себе выдающиеся писатели российской Украины старшего поколения такие, как Нечуй-Левицкий, Грабовский, Мирный, Старицкий, Кропивницкий, Тобилевич.

Об Иване Нечуе-Левицком по случаю 25-летней годовщины его литературной деятельности В. Прах написал хорошую статью.⁹⁵ Он выдвинул его реалистический метод, сравнил его значение со значением популярного тогда у чешских читателей польского писателя И. И. Крашевского, подчеркнул влияния русской и украинской литератур на его творчество. Украинец Лепкий в обзоре украинской литературы за 1906 год⁹⁶ не сумел или не пожелал сказать ничего существенного о писателе. Не приводя никаких оснований, он осуждает его рассказ „Київські прохачі“. Наоборот А. Коуделка⁹⁷ сжато, но метко и правильно характеризует автора повести „Микола Джера“. Свою характеристику он основывает на идейном содержании его произведений.

В 1900—1910 гг. упоминания о Панасе Мирном отсутствуют в чешской печати. Только А. Коуделка говорит о нем в своих статьях. В статье от 1908 г.⁹⁸ он дает его общую характеристику и уделяет особое внимание основному произведению Мирного, роману „Хіба воли ревуть, коли ясла повні?“. В статье от 1910 г.⁹⁹ Коуделка толкует психологический очерк автора „Дурниця“.

Популярность Бориса Гринченко основывалась среди чехов отчасти на его научной и коллекционерско-фольклористической деятельности, отчасти на его упорной защите украинской национальности. Борьбе за языковые и национальные права чехи сочувствовали и относились с большим уважением к поборникам этих прав. В Славянском обзоре часто писали о Гринченко, но его художественным произведениям не уделяли много внимания. А. Черны написал рецензию его брошюры „На беспрсветном пути“.¹⁰⁰ Он видел в ней вклад к истории угнетения украинцев в России. Отметим также редакционную работу Гринченко над четырехтомным малорусско-великорусским словарем.¹⁰¹ По мнению А. Черны, высказанному в статье по случаю 25-летия деятельности писателя,¹⁰² Гринченко — это самый активный писатель и выдающийся общественно-патриотический деятель украинского общества в России. Лепкий в обзорной статье об украинской литературе за 1906 год¹⁰³ сравнивает его пьесу „На новий шлях“ с драмами Ибсена. Также Коуделка в 1908 г.¹⁰⁴ толкует взгляды Гринченко в некоторых его рассказах. Он не скрывает, что симпатии писателя относятся к националистам, но замечает, что писатель обращает внимание и на взгляд молодого радикального поколения, преданного социалдемократическим идеям, честно их истолковывает и не искажает. Популярность Гринченко в Чехии проявилась в переводах некоторых его произведений на чешский язык.¹⁰⁵

В Славянском обзоре напечатали за все десятилетие одну лишь коротенькую заметку о Павле Грабовском, именно тогда, когда узнали о смерти поэта в Тобольске. Заметку написал В. Прах¹⁰⁶ и подчеркнул, что в поэзии Грабовского крепко звучала социальная струна, что он никогда не был сторонник чистого искусства.

О драматургах и об украинском театре есть сведения только в Славянском обзоре. Главные представители украинского драматического искусства Старицкий, Кропивницкий а Карпенко-Карий работали вне Галиции. Несмотря на это чешские читатели узнавали периодически об их деятельности. Еще в самом начале века А. Черны писал о труппе Кропивницкого.¹⁰⁷ Он считал ее лучшей из всех существующих украинских трупп и упоминал также ее лучших артистов Марию Заньковецкую и Карпенко-Карого. Подчеркивая достоинства этой труппы, Черны хлопотал о ее приглашении в Прагу. Б. Лепкий писал также о трех лучших драматургах того времени на Украине в обзорной статье об украинской литературе за 1901 год.¹⁰⁸

За развитием украинского театра регулярно следил В. Прах. В его ежемесячных статьях о событиях в украинской жизни в Галиции и России можно найти много интересных заметок на эту тему. Он пишет о первой постановке „Хозяина“ Карпенко-Карого,¹⁰⁹ о неудаче его фарса „Бурлаки“,¹¹⁰ о праздновании 30-летнего юбилея деятельности М. Кропивницкого,¹¹¹ о кончине И. Тобилевича,¹¹² о 25-летней годовщине труда М. Заньковецкой¹¹³ и др. Сам Черны написал некролог М. Старицкого, тепло отзываясь о заслугах покойного украинского драматурга.¹¹⁴

Если говорили у нас о писателях старшего поколения в российской Украине таких, как Александр Кониский,¹¹⁵ Ганна Барвинок,¹¹⁶ Олена Пцилка,¹¹⁷ то слишком мало узнавали чешские читатели о молодом поколении. Известное внимание уделялось творчеству А. Крымского. О его стихах в сборнике „Пальмове гілля“ и рассказах „Бейрутські оповідання“ несколько раз писал Лепкий,¹¹⁸ считая его одним из выдающихся деятелей украинского литературного движения в России.

Факты, приведенные в настоящей статье, не исчерпывают всего богатства данных, относящихся к интересу чехов к украинской жизни в период 1900—1910 гг. Однако они показывают, что чехи в этот период уделяли украинцам много внимания, больше чем в предыдущем и гораздо больше чем в последующих периодах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *З історії чехословацько-українських зв'язків*. — Словацьке видавництво художньої літератури, Братіслава, 1959.

² В. І. Шевчук, *Основні проблеми українсько-чеських літературних зв'язків XIX по XX ст.* — Видавництво Академії Наук УРСР, Київ, 1963.

³ Л. Дворжак, *Українська тематика в Слов'янському збірнику Едуарда Єлінка*. — *З історії чехословацько-українських зв'язків*, с. 600.

⁴ Там же.

⁵ *Národní listy* 23. 12. 1901, pražské vydání.

⁶ *Slovanský přehled* IV, 147.

⁷ *Slovanský přehled* V, 100—101.

⁸ *Vlast* XVIII, 1067.

⁹ *Slovanský přehled* VI, 190—192.

¹⁰ *Українська література в чеських перекладах*. — Радянське літературознавство 1963, кн. 4, с. 81.

¹¹ *Українсько-чеські літературні зв'язки в XIX ст.* — с. 77. Державне видавництво художньої літератури, Київ, 1956.

¹² М. Мольнар, *Тарас Шевченко у чехів та словаків*. — Словацьке педагогічне видавництво. Відділ української літератури в Пряшеві, 1961.

¹³ M. Nevrly, *Ivan Franko, ukrajinský básnik revolucionář*. — *Práce — Vydavatelství ROH, Praha, 1952*.

¹⁴ *Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками*. Упорядкували М. Мольнар та М. Мундяк. — Словацьке видавництво художньої літератури, 1957.

¹⁵ XXV, 509—510.

¹⁶ *Slovanský přehled* II, 161—162.

¹⁷ *Slovanský přehled* IV, 442, V, 449—450.

¹⁸ *Vlast* XIX, 369.

¹⁹ *Slovanský přehled* XIX, 390.

²⁰ *Slovanský přehled* XI, 243—244.

²¹ *Slovanský přehled* XI, 243—244.

²² Michal Molnár, *Lesja Ukrajinka v Praze*. — *Sovětská věda. Literatura* II, 575; *Československo-sovětský Institut, Praha, 1953*.

²³ О. Бабичкин, *Ольга Кобилянська та чехи*. *З історії чехословацько-українських зв'язків*, 404.

²⁴ *Slovanský přehled* IV, 490; V, 65; V, 443—450; VIII, 451—454; IX, 390—393.

²⁵ Fr. Štingl, *Rusínští spisovatelé v Bukovině*. *Vlast* XIX, 560—563.

²⁶ *Zvon* VII, 94.

²⁷ *Hlídko* XXV, 578—579; *Rusínské písemnictví*.

²⁸ *Hlídko* XXVII, 201; *Ukrajinské písemnictví roku 1909*.

²⁹ Fr. Štingl, *Rusínští spisovatelé v Bukovině*, *Vlast* XIX, 560—563.

³⁰ *Besedy lidu* I (1903); *Pisecké listy* X (1904), *Zábavná příloha* č. 13—14: *Здесь напечатаны чешские переводы рассказов Федьковича Безталанне заохания и Жовнярка. (Везпа-дєйна лєска, Вожака.)*

³¹ *Slovanský přehled* IV, 297.

³² *Slovanský přehled* IV, 291—294.

³³ *Vlast* XIX, 560—563.

³⁴ *Zvon* VI, 304.

³⁵ *Hlídko* XXV, 743.

³⁶ *Slovanský přehled* IV, 291—294.

³⁷ *Vlast* XIX, 368—369.

³⁸ *Hlídko* XXV, 743—744.

³⁹ *Slovanský přehled* IV, 291—294.

⁴⁰ *Vlast* XVIII, 471—472.

⁴¹ *Lumír* 1904, 11.

- 42 „Nuchin a jiná próza“ — Záf, Praha 1910, Lidová knihovna.
 43 „Hořčičné zrno“ — J. Otto, Praha 1911, Světová knihovna č. 899—900.
 44 Slovanský přehled V, 443—450.
 45 Slovanský přehled XI, 242—248.
 46 Hlídká XXV, 742.
 47 Slovanský přehled IV, 201.
 48 Slovanský přehled VIII, 451—454.
 49 Vlast XVIII, 472.
 50 Hlídká XXV, 577—578.
 51 Slovanský přehled V, 443—450.
 52 Vlast XIX, 369.
 53 Hlídká XXV, 579.
 54 Slovanský přehled IV, 201.
 55 Slovanský přehled XI, 458.
 56 Hlídká XXV, 742.
 57 Hlídká XXVII, 202—203.
 58 Hlídká XXV, 510.
 59 Hlídká XXVII, 201—202.
 60 Hlídká XXV, 511.
 61 Hlídká XXV, 511.
 62 Hlídká XXV, 511—512.
 63 Hlídká XXV, 580.
 64 Hlídká XXV, 577.
 65 Hlídká XXV, 745.
 66 Slovanský přehled VI, 302—307.
 67 Slovanský přehled VII, 140.
 68 Slovanský přehled VII, 328—329.
 69 Zvon V, 224.
 70 J. Otto, Praha, Světová knihovna č. 967—968.
 71 Hlídká XXV, 512.
 72 Slovanský přehled IX, 390—393.
 73 Slovanský přehled IV, 301—303.
 74 Slovanský přehled V, 338.
 75 Slovanský přehled VIII, 451—454.
 76 Slovanský přehled XI, 242—248.
 77 Русская и украинская части его библиотеки отданы на хранение Областной и университетской библиотеке в Брно.
 78 Hlídká XXV, 742—743.
 79 Hlídká XXV, 743.
 80 Slovanský přehled VIII, 451—454; IX, 390—393.
 81 Slovanský přehled VIII, 451—454; IX, 390—393; Hlídká XXVII, 203.
 82 Slovanský přehled IX, 390—393.
 83 Slovanský přehled IV, 334—340; Hlídká XXV, 745; XXVII, 203.
 84 Vlast XVII, 867.
 85 Vlast XVIII, 472.
 86 Slovanský přehled VI, 302—307.
 87 Slovanský přehled VIII, 451—454.
 88 Slovanský přehled IX, 191.
 89 Slovanský přehled IX, 390—393.
 90 Slovanský přehled XI, 244—248.
 91 Hlídká XXV, 744.
 92 Hlídká XXVII, 200.
 93 Vlast XX, 86.
 94 „Z hlubin duše.“ Ukrajinsky napsal Mychajlo Kocjubynskij. Se svolením spisovatelovým přeložil V. Charvát. — Úvod napsal H. Boczkowski. — Telč, 1910, E. Šolc. Česká expedice 3.
 95 Slovanský přehled VII, 238.
 96 Slovanský přehled VII, 238.
 97 Hlídká XXV, 508—509.
 98 Hlídká XXV, 509.
 99 Hlídká XXVII, 202.
 100 Slovanský přehled VIII, 458.

- ¹⁰¹ Slovanský přehled IX, 238.
¹⁰² Slovanský přehled IX, 384.
¹⁰³ Slovanský přehled IX, 390—393.
¹⁰⁴ Hlídka XXV, 576.
¹⁰⁵ Следующие переводы произведений Гринченко появились на чешском языке: 1. Zháňka — Knihovna Besed lidu č. 50, 2. Na rozcestí — Knihovna Světozora, 3. Sestra Hala, Bez obilí, V kostele — Wolfův Slovanský obzor I.
¹⁰⁶ Slovanský přehled V, 244.
¹⁰⁷ Slovanský přehled III, 193.
¹⁰⁸ Slovanský přehled IV, 334—340.
¹⁰⁹ Slovanský přehled V, 348—349.
¹¹⁰ Slovanský přehled V, 349.
¹¹¹ Slovanský přehled IX, 239.
¹¹² Slovanský přehled X, 96.
¹¹³ Slovanský přehled X, 285.
¹¹⁴ Slovanský přehled VI, 450.
¹¹⁵ Hlídka XXV, 513.
¹¹⁶ Slovanský přehled III, 442; Hlídka XXV, 507.
¹¹⁷ Hlídka XXV, 513.
¹¹⁸ Slovanský přehled IV, 294, VIII, 451—454, IX, 390—393.

NĚKOLIK POZNÁMEK K UKRAJINSKÉ LITERATUŘE V ČESKÉM TISKU V LETECH 1900—1910

Zájem české veřejnosti o ukrajinský kulturní život trvá po celé 19. století, ovšem v nestejně intenzitě. Zesiluje zejména od počátku osmdesátých let a šíří se a prohlubuje až do začátku 20. století.

Kulturní a politické dění ukrajinského lidu v Haliči i v Rusku v letech 1900—1910 vzbuzuje u nás živou pozornost. V bojích Ukrajinců, souvisejících s narůstáním revolučního hnutí, které vyvrcholilo r. 1905, stojí Češi vždy na jejich straně. Tak je tomu v zápase o ukrajinskou universitu ve Lvově; se sympatiemi se sledují v Čechách stávky ukrajinských sedláků v Haliči i boj Ukrajinců v Rusku o jazykovou a kulturní svébytnost.

Tyto události přispívají k zájmu o projevy kulturního růstu ukrajinského národa, zejména o jeho literaturu. Český denní a periodický tisk, a to nejen liberálně pokrokový Slovanský přehled, ale i konzervativní český a moravský tisk přináší hojně zprávy a informace o ukrajinském kulturním životě, zvláště o literatuře. Uveřejňují se ukázky z literárních děl starších a soudobých ukrajinských autorů jak z Haliče, tak z ruské Ukrajiny; píše se také četné informativní i analytické články a rozpravy o ukrajinské literatuře.